

Александр первый
Наш род дворян и баронов Кнорринг весьма древний, первые сведения о нем относятся к 1123 году. Каких только событий не было в его истории: крестовые походы и рыцарские турниры, горькие поражения и фантастические победы в борьбе за христианские святыни, сокровища, спрятанные в кувшине (этот двуручный кувшин — центральная часть нашего фамильного герба), штурмы крепостей и смелый поход по льду в тыл врага. Сейчас сохранился разветвленный клан этого рода в Швеции и в Финляндии. В России он практически угасает, хотя в XVIII и XIX веках было много представителей этой фамилии, особенно среди русских военачальников.

Богдан Федорович Кнорринг (1744 — 1825), генерал от инфантерии, командовал русской армией в Финляндии; его брат Карл (1746 — 1820), генерал-лейтенант, был командующим армией в Грузии (кстати, его сын, генерал-майор, также был женат на Нарышкиной — в 1802 г. он женился на Александре Нарышкиной, дочери Дмитрия Ивановича Нарышкина и Прасковьи Николаевны Долгоруковой); Владимир Кнорринг, генерал от кавалерии, позже — генерал-адъютант. Портреты двух наших предков — генералов, участников войны 1812 года, украшают галерею военной славы Зимнего дворца. Словом, долгие годы члены этой славной фамилии верой и правдой служили престолу и Отечеству, и, поверьте, мне не известен ни один поступок кого-либо из предков, которого можно было бы стыдиться (правда, в 1917 году барон Николай Густавович Кнорринг "лишил себя жизни выстрелом из револьвера", но это был 1917 год...).

Надежда Кнорринг была единственным ребенком в семье Ивана Федоровича Кнорринга, действительного статского советника, и Ольги Федоровны Беклешовой (дворяне этого рода известны с 1619 года). Семья обладала солидным состоянием. Красивой и горячо любимой девочке дали хорошее образование и рано, может быть, слишком рано вывели в свет, где она сразу привлекла внимание незаурядной внешностью, хорошим воспитанием и светской непринужденностью. Вскоре знатный вельможа Александр Григорьевич Нарышкин, "муж зрелых лет", предложил ей руку и сердце. Нарышкин боготворил свою молоденькую жену и был безмерно счастлив, когда у них родилась дочь Ольга. Но Надежда Моруа пишет об этом периоде ее жизни: "Проведя годы юности в глуши, она почти девочкой вышла замуж за старого князя Нарышкина. Этот неравный брак превратил ее в существо неудовлетворенное и необузданное".

Кстати, все французские литературные источники и многие русские называют Александра Нарышкина князем, хотя это не так. Род Нарышкиных, один из самых знатных, состоял в родстве с другими не менее знатными фамилиями: мать Александра Григорьевича — княжна Анна Васильевна Мещерская, бабушка Екатерина Александровна — урожденная графиня Строганова, прабабушка — княжна Анна Никитична Трубецкая и т.д. Наконец, Наталия Кирилловна Нарышкина была матерью императора Петра Великого, что давало особые права и привилегии роду в дворянской иерархии России. Однако княжеского титула фамилия не имела. Существует легенда, что один из представителей семьи отказался от титула: "Мы — Нарышкины, и этого достаточно".

Итак, Надежда Нарышкина, "сирена с зелеными глазами", блистает в высшем свете, и ничто не предвещает перемен в ее жизни, но...

Александр второй

Он был очень красив, Александр Васильевич Сухово-Кобылин; в его облике находили что-то восточное: смуглый, с большими карими удлиненными глазами, высокого роста, с прямой, горделивой осанкой.

Род Сухово-Кобылиных гордился своим древним происхождением от Андрея Кобылы (по другим источникам — Гланда Камбила), от сына которого, Боборыка, произошли боярские роды Романовых, Шереметевых, Кольчевых, Боборыкиных и Яковлевых; получил блестящее образование — окончил физико-математический факультет императорского Московского университета, а затем изучал литературу и философию в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Александр Васильевич был талантливым писателем и драматургом — почти полтора года не сходит с русской сцены его замечательная пьеса "Свадьба Кречинского". В свои тридцать два года он имел репутацию донжуана, "светского льва". Надежда Нарышкина и Александр Сухово-Кобылин полюбили друг друга.

...Весной 1842 года в парижском ресторане Александр Васильевич познакомился с девушкой редкой красоты, белокурой и голубоглазой Луизой Симон-Деманш и привез ее в Москву. Их связь продолжалась восемь лет и трагически завершилась осенью 1850 года — Луиза была зверски убита. Труп ее нашли на Ходынском поле с перерезанным горлом и со следами жестоких побоев.

Подозревали его крепостных, недоброжелных грубым обращением Луизы. Но общественное мнение склонялось к версии убийства на почве ревности.

Вот что об этом писал Л.Н.Толстой, живший тогда в Москве (письмо от 7 декабря 1850 г.): "Некто Кобылин содержал какую-то г-жу Симон, который дал в услужение двух мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с г-жой Нарышкиной, рожденной Кнорринг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с нею переплываться, несмотря на связь с г-жой Симон. И вот в одно прекрасное утро г-жу Симон находят убитой, и верные улики показывают, что убийца ее — ее собственные люди. Это куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упреками ему, что он ее бросил, и с угрозами, и с другим возмущающими подозрениями причинами, предполагают, что убийцы были на правлены Нарышкиной".

Нарышкина знала о Симон-Деманш и, обладая "демоническим", "инфернальным" характером, была не прочь больно ранить свою соперницу. Один из современников приводит такой эпизод: "Сухово-Кобылин безуспешно уживал в эту зиму за одной московской аристократкой. В один из вечеров у этой аристо-

Непросто писать о близком тебе человеке — далеко во времени, но родном по крови, нелегко избежать соблазна показать его лучше, чем он был, опустить компрометирующие детали, подчеркнуть достоинства. Но притягательность образа Надежды Кнорринг именно в контрастной сложности ее облика, в ее чарующей, иногда демонической женственности, в противоречивости ее судьбы.

Жизнь этой великосветской красавицы необычна, полна неожиданных поворотов, неистовых страстей, трагедий и громких скандалов.

В орбиту этой яркой "звезды" аристократических салонов Петербурга и Парижа были вовлечены богатый вельможа, родственник русского царя Александр Нарышкин, знатный, талантливый и красивый Александр Сухово-Кобылин, будущий драматург, и известнейший французский литератор и общественный деятель Александр Дюма-сын. В судьбах этих трех Александров Надежда Кнорринг оставила глубокий след.

Сирена

с зелеными глазами

"Больше всего я люблю в ней то, что она целиком и полностью женщина, от кончиков ногтей до глубины души..."

Из письма Александра Дюма-сына Жорж Санд

Александр Сухово-Кобылин

кратки был бал, на котором присутствовал Сухово-Кобылин. Проходя мимо окна, хозяйка дома увидела при свете костров, которые горели по тогдашнему обыкновению для кучеров, на противоположном тротуаре кутававшаяся в богатую шубу женщину, пристально смотревшую в окно. Женщина узнала в ней Симон-Деманш, сплетни о безумной ревности которой ходили тогда по Москве. Ей пришла в голову женская злая мысль. Она подошла к Сухово-Кобылину, сказала, что ушла сюда, в нишу окна, потому что ей жарко, отворила огромную форточку окна и поцеловала ничего не подозревавшего ухаживателя на глазах у несчастной Симон-Деманш.

7 ноября 1850 года Луиза, застав у Александра Васильевича Нарышкину, оскорбила ее. Вне себя от ярости Сухово-Кобылин ударил ее тяжелым подсвечником и, попав в висок, убил наповал.

Споры о виновности Сухово-Кобылина продолжают и по сей день. Леонид Гроссман ("История одного преступления", 1991 г.) категорично утверждает: "Да, виновен!" и даже не только в убийстве, но и в оговоре своих ни в чем не повинных слуг, "каковой которых он хотел купить свою свободу". Майя Бессараб ("Сухово-Кобылин", 1981 г.), основываясь в основном на экспертизе, проведенной проф. Н.В.Поповым в 1934 году, считает, что убийство — дело рук слуг г-жи Симон. Однако причастность к этой трагедии Надежды Нарышкиной несомненна. Через несколько недель после убийства, в декабре 1850 года, она уезжает в Париж.

Правда, была еще одна важная причина срочного отъезда в Париж "для поправки здоровья" — Надежда Нарышкина ожидала ребенка, отцом которого был Сухово-Кобылин. В 1851 году родилась девочка, которая жила в доме своей матери под именем сироты Луизы Вебер (случайное ли совпадение имен — ведь убитую г-жу Симон тоже звали Луизой!). Кстати, под старость, когда Александра Васильевича мучило одиночество, он обратился к императору Александру III с просьбой об удочерении Луизы. Разрешение было получено. В 1889 году Луиза вышла замуж за графа Исидора Фаллетана, и от их брака родилась дочь Жанна.

Александр третий

Итак, у Надежды Нарышкиной были серьезные причины для быстрого отъезда из Москвы в Париж. Однако, — пишет Андре Моруа, — бежав из Москвы, она не забыла взять с собой ни свою дочь Ольгу Нарышкину, ни фамильные драгоценности.

В середине прошлого века русская ари-

Надежда Ивановна Кнорринг

Александр Дюма-сын в молодости

Александр Дюма-сын в 1891 году

стократия, говорит Андре Моруа, представляла в Париже нечто вроде тайного посольства красоты. Мария Калергис, "снежная фея", Лидия Нессельбурге, двадцатилетняя невестка премьер-министра России, "дама с жемчугами" — она приобрела изумительные жемчуга длиной около семи метров — и их подруга красавица Надежда Нарышкина собирала в своих салонах знаменитых государственных деятелей, артистов, писателей.

В Париже Надежда Нарышкина вела привычный образ жизни и пользовалась успехом в обществе. По свидетельству Евгения Феоктистова, "она приковывала главным образом какую-то своеобразной грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым "львицам". Брат императора Александра III герцог де Морни, бывший посол в Петербурге, покровитель искусства, попал под ее обаяние. Василий Гроссман писал: "Этот виднейший государственный деятель Второй Империи был отчасти и драматургом. Первые чтения его водевилей происходили, по словам его биографа, в интимной обстановке, при закрытых дверях, у г-жи Нарышкиной, рожденной баронессы Кнорринг".

"Во время чтения, — пишет биограф, — герцог просил отзывов об отдельных эпизодах у этой знатной русской дамы, отличающейся оригинальными привычками, вечно оживленной, превращавшей ночь в день, проводившей время за книгой, курением или беседой, в полном согласии со своим веселым характером, возбуж-

Герб баронов Кнорринг

денным шаловливым умом".

Нарышкина, по словам биографа Моруа, была начитанной, образованной, красивой женщиной с замечательными "ручками и ножками ребенка", весьма ценившей людей и жизнь театра.

...1852 год. В театре "Водевиль" с триумфом прошла пьеса Александра Дюма-сына "Дама с камелиями", автора забрасывали мокрыми от слез букетами, которые, по словам Теофиля Готье, женщины срывали со своей груди. Александр Дюма приобретает репутацию друга женщин, защитника простодушных молоденьких девушек от посягательств прожигателей жизни, грозного обвинителя адюльтера. Ничто не противоречило так его идеалам, как собственная личная жизнь, — он вступил в связь с замужней женщиной и увел ее от мужа. Надежда Нарышкиной было тогда двадцать шесть лет, и она находилась в расцвете красоты.

Мать Надежды, Ольга Федоровна, "проживающая в Москве, от имени своего мужа Ивана Кнорринга, российского статского советника", купила для дочери и внучки красивую виллу под Парижем, известную и сейчас как вилла Нарышкиной, и с 1853 по 1859 год "можно было видеть, как на газоне и посыпанных песком дорожках перед домом играют в мяч красивые молодой человек, красивая девочка и женщина с глазами цвета морской волны", — пишет А.Моруа.

Дюма в письмах Жорж Санд с большой нежностью говорит о своей "зеленоглазой княгине Надин", о своей большой любви к "Великороссии" (Надежда) и "Малороссии" (Ольга). Он писал: "Мне доставляет удовольствие перевоспитывать это прекрасное создание, испорченное своей страной, своим воспитанием, своим окружением, своим кокетством и даже праздностью".

Дюма хотел привести личную жизнь в соответствие со своими моральными принципами и браком закрепить отношения с Надин, но развод получить было не-

возможно — царь требовал, чтобы браки среди аристократии были нерасторжимыми. Жизнь с "зеленоглазой сиреной" была нелегкой, но он по-прежнему восхищался "русскими дамами, которых Прометей, должно быть, сотворил из найденной им на Кавказе глыбы льда и солнечного луча, похищенного у Юпитера... женщинами, обладающими особой тонкостью и особой интуицией, которыми они обязаны своей двойственной природе — азиаток и европейок, своему космополитическому любопытству и своей привычке к лени... эксцентрическими существами, которые говорят на всех языках... охотятся на медведей, питаются одними конфетами, смеются в лицо всякому мужчине, не умеющему подчинить их себе... самкам с низким певучим голосом, суверенными и недоверчивыми, нежными и жестокими. Самобытность почвы, которая их взрастила, неизгладима, она не поддается ни анализу, ни подражанию".

Совместная жизнь Надин и Александра была непростой не только из-за несхожести их характеров. Скандалные судебные процессы Дюма-отца (в 1858 г. разыгралась тяжба с его бывшим соавтором Мале), необходимость ежегодных поездок Надежды в Россию, чтобы взять денег из своих личных поместий и получить очерочное разрешение на пребывание за границей (по заключению сочувствующих врачей, русский климат был "вредным для ее легких"), постоянные угрозы Александра Нарышкина отнять свою дочь Ольгу, — все это омрачало их жизнь.

В 1859 г. Надежда сняла большой, из сорока четырех комнат, замок Вильруа в департаменте Сена-и-Марна, но жила с дочерью только в одной комнате, так как боялась, что Нарышкин может организовать похищение Ольги.

В 1858 году Александр Дюма закончил пьесу "Внебрачный сын", в 1860 году у него родилась внебрачная дочь — счастье, трагедия или фарс для великого моралиста. Девочке, как требует закон о внебрачных детях, было дано тройное имя Мария-Александрина-Генриетта и прозвище Кошетта, имя матери — Натали Лефебюр. Долгие годы эта "малютка Лефебюр, бедная сиротка" воспитывалась "приемными" отцом и матерью, пока не умер Александр Григорьевич Нарышкин и появилась возможность "удочерить" ребенка и узаконить отношения любовников.

В новогоднюю ночь, 31 декабря 1864 года, состоялся праздничный ужин в честь бракосочетания Александра Дюма-сына с Надеждой Нарышкиной, вдовой Александра Нарышкина. Присутствовал Александр Дюма-отец и узкий круг друзей.

Теперь то уж ничто, кажется, не должно было омрачать семейную жизнь супругов, но, увы, Надин вовсе не была "популярным дитя", ее "инфернальный характер" с годами не стал ангельским. Новые обязанности хозяйки дома были ей явно в тягость, и выполняла она их весьма небрежно. Вот что пишет Жорж Санд, посетившая супругов Дюма в маленькой рыбацкой деревушке недалеко от Дьеппа в августе 1866 года: "Хозяйка очень любезна, но не в должной мере хозяйка: беспорядок, немыслимый! Из ряда вон выходящая неаккуратность, ставшая привычкой. Для мытья служит ваза и салатница, а вода есть только тогда, когда за нею сходишь! Окна не закрываются! Собачий холод в постели..."

Супруги мечтают иметь ребенка, но первая беременность Надин завершилась выкидышем на пятом месяце. Однако желание дать миру Дюма-внука заставило Надин строго придерживаться постельного режима во время новой беременности, выполнять все предписания врачей. 3 мая 1867 года Надин разрешилась от бремени девочкой, которой дали имя Жаннина.

Весьма щекотливо было положение старшей дочери Ольги. Она была молода, красива, но роман матери лишил ее возможности бывать при русском дворе, а ведь ее родство с царствующим домом Романовых давало право рассчитывать на блестящую партию. К счастью, и Франция была не бедна достойными женихами. В 1872 году Ольга вышла замуж за маркиза Шарля де Тьерри де Фаллетана. Кстати, напомним, что и Луиза также вышла замуж за отпрыска этой же фамилии — за графа Исидора де Фаллетана.

Александр Дюма гордился своими дочерьми, уделял им много внимания, с удовольствием пересказывал друзьям их шутки и остроты (Кошетта впоследствии вышла замуж за Мориса Липпмана, а Жаннина стала г-жой д'Отерив).

Но обстановка в семье с каждым годом становилась все более напряженной. Надин, нервная и раздражительная, постоянно провоцировала семейные сцены, главная причина которых была ревность. Она ревновала ко всем знакомым, к артистам театров, ко всем поклонникам своего красивого и популярного в обществе мужа. Супруги все более отдалялись друг от друга, сцены ревности возникали все чаще. В итоге врачи поставили печальный диагноз — неизлечимая душевная болезнь.

В 1891 году Надин, обезумев от ревности, покинула мужа и поселилась в доме дочери Кошетты.

2 апреля 1895 года она умерла в возрасте шестидесяти восьми лет, а через несколько месяцев, 28 ноября, умер и Александр Дюма.

...Я не нашел ее могилу ни на кладбище Пер-Лашез, ни в Сен-Женевьев де Буа и лишь работая над этой рукописью, узнал, что Надежда Дюма, урожденная Кнорринг, покоится на кладбище маленького городка Нейли-сюр-Сен. Почему именно там — не знаю...

Коллеи-Франсез